

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Петербургская литература. В. Г. Белинский

Выражения: петербургская литература, московская литература совсем не так неуместны и произвольны, как обыкновенно думают те, которые признают только русскую литературу. Конечно, нет спора, что такие писатели, как Ломоносов, Державин, Фонвизин, Карамзин, Дмитриев, Крылов, Батюшков, Жуковский, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, принадлежат России, а отнюдь не Петербургу и не Москве, и должны называться русскими, а не петербургскими или московскими писателями. Прошло уже то время, когда обе наши столицы считались между собою писателями, каждая усиливаясь присвоить себе знаменитого писателя, и когда Москва печатно доказывала, что такой-то поэт воспитывался в ней, а Петербург отвечал, что этот поэт родился и провел в нем большую часть своей жизни. Что за вздор! И. А. Крылов по преимуществу гражданин Петербурга, русского города, основанного на немецкой земле и наполовину наполненного немцами и преисполненного иноземными обычаями; а между тем укажите на другого писателя, который бы и родился, и вырос, и жил, и умер в Москве, и больше Крылова был бы народен, больше Крылова был бы русский писатель. Все другие писатели, по большей части, равно принадлежат и Петербургу и Москве: один родился в Петербурге, но воспитывался в Москве, другой жил и писал и в Петербурге и в Москве; многие, родившись и проведя детство в провинции, окончательно воспитывались, жили и писали то в Петербурге, то в Москве. Лермонтов, например, родился и провел свое детство в Пензенской губернии; потом учился в Московском университете и, не окончив в нем курса наук, перешел в Петербург, в Школу гвардейских подпрапорщиков[1]. Пушкин родился в Псковской губернии, воспитывался в Петербурге и жил большею частию в нем же; но это не метало ему ни знать, ни любить «родной Москвы», как называл он ее[2].

Со всем тем нельзя не признать, что и на великих писателей имеет влияние исключительное гражданство той или другой столицы. Поэт, который более сжился бы с нравами московскими и менее был бы гражданином Петербурга, чем Пушкин, или не написал бы «Онегина», или написал бы его иначе. Многие из замечательнейших пьес Гоголя показывают, что этот писатель провел в Петербурге одну из самых свежих и впечатлительных эпох своей жизни. Печать Петербурга видна на большей части его произведений, не в том, конечно, смысле, чтоб он Петербургу обязан был своею манерою писать, но в том смысле, что он Петербургу обязан многими типами созданных им характеров. Такие пьесы, как «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Нос», «Шинель», «Женитьба», «Утро делового человека», «Разъезд», могли быть написаны не только человеком с огромным талантом и гениальным взглядом на вещи, но и человеком, который при этом знает Петербург не понаслышке. Вообще жизнь в Петербурге много способствует развитию юмористического и сатирического направления великих талантов. «Горе от ума» хотя и посвящено изображению Москвы, однако могло быть написано опять-таки петербургским человеком. Скажем более: даже в жестком, холодно безотрадном и страстно ироническом колорите поэзии Лермонтова мы видим признак того, что лучшие годы поэта были проведены в Петербурге. Если бы эти писатели провели большую часть своей жизни, особенно свою молодость в Москве, можно не без основания предположить, что в их произведениях было бы больше мягкости и спокойствия, больше положительных, нежели отрицательных элементов, а по тому самому меньше глубины и силы. Здесь опять является во всей своей резкости разница обеих столиц и их противоположное значение.

Если преимущественное гражданство того или другого города может иметь такое влияние на произведения великих талантов, которых назначение быть представителями национального духа, – то из произведений талантов обыкновенных еще более видно, к какому из двух городов принадлежат эти таланты. В этом отношении существование петербургской и московской литературы еще менее подвержено сомнению, нежели существование русской литературы. Литературу какого-нибудь народа должно искать не в одних только произведениях великих талантов, но и в общей ежедневной производительности всех ее великих талантов, это итог литературы, чистый приход ее, за вычетом расхода, последний результат ее внутренних процессов. Мир журналистики обыкновенно почти ничего не представляет для таких итогов, потому что все произведения необыкновенных талантов, помещаемые в журналах, потом издаются особо, а все остальное в журналах имеет интерес современный, следовательно, относительный. И однако ж это нисколько не отрицает влияния журналов на ход общественного образования и

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru просвещения, а следовательно, и их важности. И потому журналистика составляет важную сторону всякой литературы. Обыкновенные таланты, часто столь неважные в глазах потомства, весьма важны для своих современников: они имеют на них большое влияние, потому что служат посредниками между толпой и гениальными писателями, приближая новые идеи, порождаемые великими писателями, к понятию масс.

С этой точки зрения на литературу вообще, разница между петербургской и московской литературой довольно велика.

В статье «Александрейский театр»[3] мы старались показать, чем отличается театральная петербургская публика от театральной московской публики: почти то же различие существует и между читающей публикой в обеих столицах. В Петербурге вообще читают больше, чем в Москве, так же как и в театр ходят больше, чем в Москве. В смысле общественного прогресса в этом отношении преимущество остается за Петербургом; но искусству и литературе, особенно в настоящее время, от этого выгоды не много. В Петербурге все читают. Мы не имеем нужды объяснять, что мы разумеем под словом все: кому не известно, что Петербург весь состоит из служащего народа, за которым неслужащих не видно, следовательно, Петербург весь состоит из людей «образованных». И в самом деле, трудно было бы найти в Петербурге человека, который, нося фрак и умея читать по-русски, не читал бы, например, «Северной пчелы» и «Репертуара»[4]. В Москве не так: там одни ровно ничего не читают (за исключением «Прибавлений к «Московским ведомостям»»[5] и разве, чтобы уж не даром платить за них деньги, – передних статей)[6], а другие все читают. Число первых огромно, громадно в сравнении с числом вторых. Зато между последними в Москве очень много людей, которые знают, что и для чего читают они, и которые чтением занимаются, как делом. В Петербурге чтение – образованный обычай, плод цивилизации. Кому не известно, что в Европе газеты составляют необходимость каждого грамотного человека и что эта необходимость проистекает из публичности, составляющей основу европейской жизни? Но кому также не известно, что в Европе – читать газеты совсем не значит заниматься чтением? Там читают газеты, чтобы каждый день узнать, что делается на божьем свете, как у нас читают газеты, чтоб знать о производствах и подрядах[7]. Следовательно, в Европе газета есть вестовщик, почтальон, который всех заставляет читать, но которого никто не считает книгой. И между тем точно так большинство петербургской публики читает и газеты, и журналы, и стихи, и романы. Все, что наделает своим появлением большого шума, – все то петербуржцу непременно надобно прочесть – без того он не уснет спокойно. «Парижские тайны» Эжена Сю, как известно, наделали на свете страшного шума, – и Петербург прочел их и по-французски и по-русски и остался в полной уверенности, без малейшего сомнения, что эта сказка – беспримерно великое художественное произведение. Если бы в то же время в Петербурге прочли действительно прекрасное произведение, французское или русское, но которое не нашумело своим появлением, – Петербургу и в голову не вошло бы, что он прочел прекрасное произведение. Петербург любит читать все новое, современное, животрепещущее, о чем все говорят; поэтому он читает почти все, что появляется во французских книжных лавках и в русских журналах. Старых писателей Петербург очень уважает, если они общим голосом признаны знаменитыми писателями, но не читает их вовсе, так же как и старых книг: ему некогда, он занят новым – от утренних афиш и фельетона «Северной пчелы» до последнего вновь появившегося романа, повести или драмы. Петербуржцам, занятым службою, визитами, прогулками по Невскому, вечерами, клубами, театрами и концертами, петербуржцам некогда думать и отличать самим истинно хорошее от посредственного и дурного в литературе: и потому петербуржцы очень любят руководствоваться суждениями заслуженных авторитетов, от своих начальников до знакомых критиков и рецензентов включительно. Авторитет критика в Петербурге приобрести не так-то легко, как думают: для этого надо сделаться или начальником, или печатать свое имя на разных изданиях или в разных изданиях по крайней мере лет двадцать, чтобы глаза всех примелькались к нему, как к вывеске, счастливо помещенной на крайнем доме многоугольной улицы, которой не минуешь, куда бы ни шел. Это разумеется об авторитетах великих: маленьким авторитетом легко сделаться всякому фельетонисту, всякому рецензенту, но только в своем кружке, между своими приятелями. Оно, коли хочите, публика небольшая, зато преданная и не сомневающаяся в своем сочинителе, с которым она часто и ест и пьет вместе! Что касается до больших авторитетов, от них требуется если не чина большого, то чести быть издателем журнала или газеты, имеющих большой ход, или по крайней мере чести быть главным сотрудником по части критики в таком журнале или в такой газете. Внешний успех тут всегда – доказательство ума, знания, таланта и беспристрастия. Но не этим только все оканчивается; есть и еще условие, и притом весьма важное, для приобретения авторитета в качестве критика.

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Мы сейчас объясним его: пока журналист или критик еще свеж и нов в его идеях, на него смотрят недоверчиво, как на выскочку, который захотел быть умнее всех, спорить против того, в чем решительно все убеждены. Подобное направление здесь приписывается не убеждению, не самобытному взгляду, не страстной любви к истине, но пристрастию, неблагонамеренности и другим непохвальным чувствам. Но когда литературные идеи, распространенные этим журналистом или критиком, уже утвердятся в обществе и сделаются общими ходячими местами, раны оскорбленных ими самолюбий, за давностью лет, залечатся, и журналист-критик начнет сам со славой и успехом подвизаться в сочинениях такого же сорта, какие некогда беспощадно преследовала его критика, вооруженная умом и вкусом, – тогда, о! тогда он авторитет несокрушимый, незыблемый, и ему верят на слово!.. [8] В Петербурге сейчас же готовы поверить статье и такого критика, который не только безызвестен в Петербурге, но еще и напал на петербургский авторитет; но для этого необходимо нужно, чтоб статья наделала большого шума между бесчисленным множеством чиновных и литературных авторитетов и авторитетиков. Если в Петербурге выйдет книга, о которой не отозвался ни один критический авторитет, тогда верят первой рецензии, кем бы ни была она написана. Книга в ходу, все хвалят, все превозносят ее; но лишь появилась статья авторитета – книга гибнет – ее все бранят. В полемических перестрелках Петербург всегда верит тому, кто сделал последний выстрел, хотя бы и холостым зарядом. Между писателями в Петербурге так же есть свои авторитеты, как и между журналистами и критиками. Из таких можно особенно указать в прозе на Марлинского, в стихах на Г. Бенедиктова. С некоторого времени эти авторитеты уже не у всех на языке, но это не столько от усилий критики, сколько оттого, что первый принадлежит уже к старым писателям, а второй давно уже ничего не пишет [9]. Зато Гоголь никогда не имел чести быть авторитетом в Петербурге; мало того: в Петербурге сочинений Гоголя не любят и его как автора считают наравне с Поль де Коком за то, что верно копирует только низкую природу [10], а петербургская публика средней руки больше всего ценит в писателе изображение сильных страстей на манер Марлинского и хороший тон вроде того, который блесит в бесподобных творениях ее сочинителей, набравшихся хорошего тона в клубе соединенного общества [11]. Но из этого отнюдь не следует, чтоб в Петербурге Гоголя не читали, как и везде на Руси. Гоголь пользуется в Петербурге исключительною и, по нашему мнению, самую завидною, самую великою славой: чем больше его бранят, тем больше его читают. Конечно, и в Петербурге, как и везде на Руси, найдется несколько людей, глубоко понимающих и глубоко уважающих талант Гоголя (и Петербург не без исключений в этом роде); но большинство судит о нем так, как судят о нем в Петербурге «почтенные» люди, то есть люди известных лет и уже в чинах. Поэтому есть надежда, что, когда теперешнее молодое поколение Петербурга делается уже пожилым и «почтенным» поколением, следовательно, приобретет право сметь свое суждение иметь [12], мнение большинства будет решительно в пользу Гоголя, отчего, впрочем, эстетическая образованность общества не слишком двинется вперед. Это оттого, что всякий петербуржец знает не только имя Байрона, но и то, что это поэт мрачный и сатанинский; петербуржец охотно готов при случае отпустить несколько громких фраз во изъявление своего высокого уважения к колоссальному гению Шекспира, с которым он познакомился в Александрийском театре. Петербуржца нельзя удивить никаким именем известного автора, никаким названием известного сочинения, словом, никакою знаменитостью: он все знает, хотя и ничем этим не занят внутренно и ни о чем этом спорить не будет. Если бы он и заспорил с вами о чем-нибудь, он в оправдание своего мнения скажет вам, что ведь все так думают, а потом прибавит из вежливости, что, может быть, и вы правы. И в самом деле, из чего спорить, из чего горячиться: ведь обо всех этих Байронах и Шекспирах он взял готовые мнения или своего начальника, или другого какого-нибудь почтенного человека, или знаменитого критического авторитета, или, наконец, своего приятеля-фельетониста. С него довольно, что он все знает, обо всем имеет понятие и что, следовательно, он человек «образованный», а в этом состоит главное его честолюбие.

В Москве совсем иначе. Там очень часто даже под платьем хорошего фасона можно встретить самое невинное, самое блаженное неведение обо всех вещах, касающихся до учености и литературности. Я очень люблю и очень уважаю таких людей и готов говорить с ними только о том, о чем они сами любят говорить, хотя бы это было о новооткрытых и вернейших средствах выращивать волосы на плешивой голове и в короткое время сделать себе блестящую служебную карьеру. Если бы один из тех господ заговорил со мною о литературе, я почувствовал бы смертельную тоску... Зато там очень часто можно встретить людей, которые говорят о Байроне и матерях важных [13] не с чужого голоса, потому что знают и понимают, о чем говорят, – людей, которых не собьешь с толку никаким авторитетом и ничьим мнением. Там нередко можно встретить людей, которые рассуждают странно, коли хотите, даже

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru ложно, но зато по-своему, как они сами понимают дело, а не как понимает его господин такой-то или этакой. И это мне нравится больше, нежели способность говорить обо всем, чего не знаешь и чем не интересуешься, и способность соглашаться со всеми. Что же касается до вралей и чудачков разного рода – где их нет? – И если Грибоедов в Москве отыскал Репетилова, то Гоголь в Петербурге нашел Ивана Александровича Хлестакова. В Москве авторитеты уважаются гораздо меньше не только истины, но и каждого личного убеждения. Старые имена гораздо меньше возбуждают к себе доверия, нежели вновь появляющиеся молодые дарования. Слова: выписался, отстал, совершенно неизвестные в Петербурге, в Москве в большом ходу, к крайнему огорчению пожилых гениев. В Москве есть свои авторитеты, утвердившиеся за давностию лет, – люди, из которых один в двадцать лет написал пяток повестей, другой – десятка два фразистых стихотворений, и т. п. [14]. Но это – авторитеты между собою, авторитеты, которые сами же составляют и свою публику, хваля друг друга чрез третье лицо, которое, в ожидании такого же фимиама и себе, верно передает похвалы по принадлежности. Настоящая же публика судит там об этих «знаменитостях» по-своему, не справляясь с их мнением о самих себе. Мы уже имели случай заметить, что Московский университет дает особенный колорит читающей московской публике, потому что его члены, и учащие и учащиеся, составляют истинный базис московской публики [15]. Поэтому в Москве, больше, нежели где-нибудь в России, молодых людей, способных принадлежать науке и литературе. Значительная часть учителей, переводчиков, журнальных сотрудников, равно как и служащих по гражданской части в Петербурге, переселенцы из Москвы. Оно и не мудрено: по литературе, как и по службе, Москва не представляет достаточно обширного поприща деятельности для желающих что-нибудь делать. И потому те, которые лучше хотят «делать ничего», нежели «ничего не делать», спешат переселиться из Москвы в Петербург, боясь из людей, способных к делу, превратиться в людей, способных только говорить о деле.

В Петербурге литераторами делаются случайно, – не по призванию, не по страсти, даже не по способности, а по бедности и обстоятельствам. В Петербурге много периодических изданий [16], и есть хоть какая-нибудь книжная торговля: стало быть, нужны пишущие руки, и они вербуются, где бог послал. Какой-нибудь юный департаментский чиновник, никогда не думавший сделаться сочинителем, потому что он никогда не был и читателем, знакомится нечаянно с каким-нибудь сочинителем, фельетонистом, рецензентом и в короткое время позволяет ему убедить себя, что и он может быть сочинителем не хуже другого. Чиновник сперва пишет в фельетонах о портных, цигарочных и помадных лавочках, потом начинает пускаться в суждения о русской литературе, а наконец и сам пишет повести, водевили, даже драмы и романы: ведь это так легко! [17] В Петербурге литературная известность дешевле пареной репы: стоит только поработать посходнее в какой-нибудь газете, похожей на корзину, в которую всякий может сбрасывать, что ему угодно, или безвозмездно потрудиться в каком-нибудь журнале, который с каждым годом теряет по сотне подписчиков, – и хозяин этой газеты сейчас же объявит вас молодым литератором, подающим о себе блестящие надежды, а хозяин убогого и юридического журнала сейчас же произведет вас в гении, хотя бы вы и просто способным на что-нибудь человеком никогда не были. От вас потребуют только навыка выражаться общими местами современной журналистики – навыка, который приобрести гораздо легче, нежели порядочно выучиться грамоте. Оттого литераторов в Петербурге – тьма-тьмуца. Потом от вас потребуют, чтобы вы хвалили и прославляли своих и бранили чужих. Этому выучиться тоже легко. В Москве, если вы рецензент или критик и нападаете на сочинения какого-нибудь писателя, – в Москве не только публика, но и сам этот писатель может понять, что вы действуете так не по личному предубеждению, не по низким расчетам, а по убеждению, может быть, ошибочному, но тем не менее искреннему и честному. В Петербурге этого решительно не понимают. «Что я ему сделал? За что он меня обругал? – говорит тот сочинитель, о книге или статье которого вы отозвались неблагоприятно. – Я его всегда хвалил; да из чего и ссориться нам: ведь я пишу совсем в другом роде, нежели в каком он пишет, и мешать ему не могу». Любовь к истине, святость убеждения, способность оскорбляться книгою или статьею за оскорбление, нанесенное ею эстетическому чувству или здравому смыслу, – обо всем этом почти никто и не хочет знать. И между тем в Петербурге нет ни одного писателя, который бы не толковал больше всего о добросовестности, благонамеренности, любви к науке и усердии к успехам русской литературы, и часто об этом громче других кричит иной сотрудник, перебивший несколько хозяев и каждому из них изменивший по нескольку раз. В Москве пишущие люди щекотливы в деле их убеждений и их репутации. Оскорбленный вами печатно, московский литератор не подружится потом с вами за бутылкою шампанского. Непамятозлобность и вообще способность прощать врагов при первой выгоде сделать

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
это есть одна из самых замечательных добродетелей петербургских литераторов [18]. В Москве люди противоположных убеждений не любят сходиться между собою даже и в простых житейских отношениях. И, по нашему мнению, источник подобного поведения столь же похвален, сколько его крайность может заслуживать порицания. Эту привычку некоторые из московских литераторов сохраняют и в Петербурге, – и зато здесь смотрят на них, как на нравственных чудовищ и уродов, потому что здесь важны только отношения, а отнюдь не убеждения.

В Петербурге книги издаются красивее, чем в Москве. Петербургский романист пятнадцатого класса [19] пишет всё «некоторые черты» из жизни великих людей, и честь быть героями его романов предоставляет только Наполеону, Фридриху II и т. д. [20]. Московский писак изображает в своих романах семейную жизнь, где рисуются он и она, проклятые места и тому подобные штуки [21], или описывает поколебание татарского владычества в Сокольниках, подвиги Таньки-разбойницы в Марьиной роще [22]. Петербургский писак, никогда не выдавший даже прихожей порядочного дома, изображает в своих романах и повестях высший свет и хороший тон, аристократов и жизнь, как она есть [23]. Московский писак рисует разгулье купеческих сынков в Марьиной роще и описывает козла-бунтовщика [24]. Видите ли, какая разница даже и между писаками обеих столиц! Фельетонистов и рецензентов в Москве мало, потому что газет там вовсе нет, журналов – тоже. В Петербурге фельетонисты и рецензенты составляют особенный и многочисленный цех. Вообще, кто хочет познакомиться короче с характером петербургских писак средней руки, – тому советуем внимательнее прочесть не-повесть г. Панаева «Тля» и его же «фельетониста» [25]. Со временем мы представим в нашем издании статью под названием: «Литературщики и книжных дел мастера», в которой будут раскрыты тайны и любопытные явления мелкого петербургского литературного и книгодельного мира [26].

Новые журналы теперь также принадлежат исключительно Петербургу, – как новые идеи и направления всегда принадлежали Москве. Но до 1834-го года Петербург был беден и журналами, тогда как Москва была центром журнальной деятельности [27]. Впрочем, ее упадок в Москве очень понятен. Москва умеет мыслить и понимать, но за дело браться она не мастерица, – по крайней мере в литературной сфере. Многие с насмешкою говорят об аккуратности, с какою выходят в положенное время книжки петербургских журналов; но как бы ни смеялись над этим, а это все-таки – не порок, а достоинство. В продолжение каждого полугодия выдавать вдруг и первые книжки за этот год и последние книжки за прошлый, а иногда (что нередко случалось в Москве) и предпрошлый год, – это ни на что не похоже. И между тем в Москве не было ни одного журнала, который бы издавался аккуратно [28]. Причина этого та, что москвичи до сих пор верны допетровской старине и любят все делать и на авось и с прохлагою. Они не привыкли еще думать, что и в деле литературы есть своя житейская, чернорабочая, практическая сторона, без знания которой и на идеях недалеко уедешь, и которая требует своего рода таланта. В Москве журналы издавались – как бы сказать? – как-то патриархально. Плата за сотрудничество и за статьи там считалась чем-то странным, исключительным, даже несовместным с достоинством литературной культуры, – хотя подобное рыцарское убеждение нисколько не мешало издателям пользоваться доходами от их изданий. В Москве издавался старейший и, до 1825-го года, лучший русский журнал – «Вестник Европы», основанный Карамзиным в 1802-м году, который после Карамзина издавался Жуковским, то вместе, то попеременно с Каченовским, а потом совершенно перешедший в руки последнего. Но самое цветущее время московской журналистики было от 1825 до 1830-го года включительно: в этом году прекратилось вдруг несколько изданий – «Вестник Европы», «Московский вестник», «Атеней», «Галатей», чтобы воскреснуть с 1831-го года под именем «Телескопа». Но хотя этот журнал и соединил в себе труды почти всех лиц, участвовавших в тех четырех журналах, однако он не умел, как бы мог, овладеть вниманием публики, число его подписчиков не переходило за заветную черту одной тысячи, и потом он медленно исчах [29]. Впрочем, самый лучший журнал того времени – «Московский телеграф», славившийся, между прочим, и огромным числом подписчиков, никогда не имел их более тысячи пятисот, а большею частию держался на тысяче двухстах. Все эти журналы издавались в небольших форматах и довольно тщедушными книгами. Наконец Петербург почувствовал, что настало его время. Он понял, что, кроме таланта, в журналистике великую двигательную силу составляют материальные средства и что если деньги не родят таланта, то заставляют его быть трудолюбивее, обеспечивая его положение, избавляя его от необходимости прибегать к средствам существования вне литературной деятельности. Подобная мысль могла родиться только в Петербурге и всего менее в Москве. Понявши, что в России еще не настало время для журналов, которые могли бы держаться исключительно своим направлением, привлекая к себе

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru массу людей, разделяющих его образ мыслей, «Библиотека для чтения» решилась, во-первых, соединить в себе труды по возможности всех более или менее известных литераторов, а во-вторых, угодить вкусу и потребностям самой разнохарактерной публики. Для этого она решилась выходить толстою книгою раз в месяц и энциклопедическое разнообразие содержания принять за основу своего существования. Оказалось, что она не ошиблась в своих расчетах, что доказали пять тысяч подписчиков в первый год ее издания. Хотя время и доказало потом, что несоединимого внутренне нельзя соединить внешним образом, и хотя в последующие годы ее издания число ее подписчиков против первого года было меньше, однако журнал этот тем не менее стал твердою ногою. С тех пор журнал, имеющий меньше тысячи подписчиков и прежде считавшийся богатым, почти лишился возможности существовать. С тех пор, с открытием тайны успеха, основанного на материальных средствах, даже и мысль и движение перешла в петербургские журналы, в ущерб московским.

«Библиотека для чтения» – журнал, насквозь проникнутый петербургским гением, совершенно противоположным московскому. Как в московских журналах царствовал энтузиазм и идеальность, так в «Библиотеке для чтения» явился дух положительности, иронии и насмешки, конечно, над такими предметами, над которыми шутить никому не запрещено, но которые тем не менее заслуживают уважения. Впрочем, это шуточное направление оказало свою пользу, как противодействие детскому и неосновательному идеализму и энтузиазму, который и при умеренности бывает смешон, а в крайностях просто невыносим. Крайности всегда излечиваются крайностями же.

Как бы то ни было, появление «Библиотеки для чтения» имело огромное влияние не только на русскую журналистику, но и вообще на русскую литературу. Мы помним, как при появлении этого журнала многие литераторы были скандализированы тем, что он платит своим сотрудникам за каждую строку, и платит хорошо, следовательно, принося выгоды своему владельцу, дает средства существования многим людям, работающим для него постоянно. Мы теперь так далеки от этого детского воззрения на так называемую торговлю в литературе, что с трудом понимаем, как оно могло существовать когда-нибудь [30]. Торгаш-литератор, готовый писать и за и против чего ни наймут его, всегда будет торгашом, так же как литератор с убеждением никогда не изменит ему ради денег.

Не продается сочиненье,
Но можно рукопись продать –
сказал Пушкин [31]. Если б на рынках говядина и хлеб, а в магазинах сукно и другие товары отдавались всем из чести – тогда можно было бы и писать в журналах не из денег, а из чести. Байрон не писал в журналах, не был торгашом, не продавал своего вдохновения, а за рукописи своих сочинений получал, тем не менее огромные суммы.

Вообще, из всего этого видно одно и то же: именно что как Петербург, так и Москва, каждый из этих городов имеет свое значение и свою важность в России, которые обнаружатся яснее, когда железная дорога соединит обе столицы. Великое дело – железная дорога: широкий путь для цивилизации, просвещения и образованности... А между тем она прежде всего дело коммерческое, порождение расчета и денег... [32]

Примечания

Впервые – в книге «физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакцию Н. Некрасова, ч. II», СПб., 1845, с. 143–168 (ц. р. 2 января 1845 г.; вып. в свет 1 июля). Подпись: В. Б. Авторство – ПССБ, т. IX, с. II.

Статья «Петербургская литература» развивает ту общую сравнительную характеристику двух столиц, которую содержала статья «Петербург и Москва», переводя это сопоставление в план характеристики литературной жизни в них. Как и в статье об Александрийском театре, это сопоставление проходит с учетом различных сторон общественного явления; там применительно к театру рассматривается проблема отношений публики, с одной стороны, и репертуара и стиля актерского исполнения, с другой; здесь, применительно к литературе, проблема отношений читающей публики и писателей, литераторов, журналистов.

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Как и две предыдущие статьи, эта статья также не сводится к простому противопоставлению двух городов. Отмечая специфику существования и развития литературы в обоих культурных центрах, статья строит эту характеристику в плане глубокой социальной дифференциации, с учетом роли и влияния на общий характер литературной жизни различных социальных слоев и групп, отдельных «литературных партий» и направлений. Отсюда выделение в статье факторов, способствующих движению литературы или, напротив, препятствующих ему – в каждом из городов. Общий вывод сводится к признанию того, что «каждый из этих городов имеет свое значение и свою важность для России». В этом ярко проявилась историческая роль Белинского как публициста и критика, деятельность которого, с одной стороны, способствовала необходимой для дальнейшего интенсивного развития общественной жизни поляризации литературных сил, а с другой стороны – консолидации всех сил, заинтересованных в таком развитии и способных его поддерживать.

При характеристике явлений литературной жизни Петербурга и Москвы сводятся к присущие им отрицательные и положительные моменты. Так, для Петербурга отмечается большая читательская активность, более интенсивное расширение круга авторов, быстрое развитие журналистики, и вместе с тем – случайность обращения к занятиям литературой, деляческий подход и беспринципность соглашений между журналистами, произвольное выдвижение литературных «авторитетов» и т. д. В свою очередь, в тогдашней Москве отмечается замкнутость литературной жизни в отдельных кружках, литературная пассивность публики и – вместе с тем – более высокий специальный уровень интеллектуальной жизни первого университетского города, более строгое отношение литературных партий к вопросу об убеждениях и т. д. Для настоящей статьи, как и для ряда других статей Белинского этого времени, симптоматичен упор не только на появление новых «великих талантов», но и на рост «общей ежедневной производительности» литературы, развитие журналистики и публицистики; подчеркивается особое влияние журналов на «ход общественного образования и просвещения».

Характерно и другое замечание Белинского, сделанное попутно, о том, что жизнь в тогдашнем Петербурге с его резкими социальными контрастами «много способствует развитию юмористического и сатирического направления великих талантов». И здесь главное внимание сосредоточено на дальнейшем развитии критико-реалистического направления в литературе.

Примечания

1

Неточность: Лермонтов родился в Москве 3 (15) октября 1814 г. В быв. Пензенскую губ. в имение своей бабушки Е. А. Арсеньевой Тарханы был перевезен вскоре после рождения. В 1827 г. с бабушкой переехал в Москву, где учился в Благородном пансионе при университете, а с осени 1830 г. в Московском университете. В 1832 г. переехал в Петербург, где поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

2

Пушкин родился в Москве, воспитывался в Царскосельском лицее. Впрочем, в те годы о месте рождения Пушкина нередко давались иные сведения. Так, Н. И. Греч в «Опыте краткой истории русской литературы» (СПб., 1822, с. 328) сообщал, что Пушкин родился в Петербурге.

3

См. эту статью в наст. т.

4

«Репертуар» – журнал «Репертуар русского и пантеон всех европейских театров».

5

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
«Прибавления к «Московским ведомостям» – отдел объявлений казенных и частных в газете «Московские ведомости» (с 1838 г.).

6

Передние статьи – передовые.

7

В газетах того времени сообщались сведения о производстве в чины и о получении подрядов на какие-либо работы.

8

Явный намек на Н. А. Полевого.

9

Бенедиктов с начала 1840-х гг. до 1845 г. почти не публиковал новых произведений. В падении авторитетов Марлинского и Бенедиктова большую роль сыграли статьи Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835 г.; наст. изд., т. 1) и «Полное собрание сочинений А. Марлинского» (1840 г.; наст. изд., т. 3).

10

Ср., например, статью Н. А. Полевого о «Мертвых душах», где Польша сопоставляется с Гоголем к преимуществу первого, ибо он «если... шутит, грязно шутит, зато... и не добивается ни в учителя, ни в гении» («Русский вестник», 1842, № 5–6, отд. III, с. 51). С Польшой сопоставлял Гоголя в это время и Сенковский (см.: «Библиотека для чтения», 1842, т. LIII, отд. VI, с. 51–53).

11

Клуб соединенного общества – чиновничий клуб, «воскресший», по словам «Северной пчелы» (1843, № 256), в это время. Членами его были крупные чиновники, артисты, купцы первой и второй гильдии.

12

Ср. реплику Молчалива («Горе от ума», д. III, явл. 3).

13

Ср. слова Репетилова («Горе от ума», д. IV, явл. 4) о разговорах в Английском клубе:

Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ.

14

Под первым московским авторитетом, написавшим «в двадцать лет», «вяток повестей», имеется в виду М. И. Погодин; автор «десятков двух фразистых стихотворений» – А. С. Хомяков,

15

Петербургская литература. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Ср. в статье «Петербург и Москва» – наст. т., с. 155.

16

Почти все тогдашние газеты («Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Русский инвалид», «Литературная газета») и журналы («Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», «Маяк» и др.) выходили в Петербурге.

17

Чиновниками были В. Г. Бенедиктов, Н. В. Кукольник, Ф. А. Кони, Л. В. Брант и другие тогдашние петербургские поэты, писатели, журналисты.

18

Примером таких «деловых компромиссов», а по существу беспринципных соглашений в среде петербургских журналистов и литераторов могли служить отношения между Булгариным, Сенковским, Н. Полевым.

19

Введенная Петром «табель о рангах» предполагала деление всех чинов на четырнадцать классов. Выражение «романист пятнадцатого класса» (по образцу популярного в литературе иронического выражения «чиновник пятнадцатого класса») означает здесь низшую степень таланта.

20

Намек на В. Р. Зотова, автора романов «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1832; см. рецензию на второе его издание – Белинский, АН СССР, т. IV, с. 319), «Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I» (1834; см. рецензию на него в наст. изд., т. 1, с. 383–385) и «никлас Медвежья лапа, атаман контрабандистов, или Некоторые черты из жизни Фридриха II» (1837).

21

Имеются в виду романы М. И. Воскресенского «Он и она» (М., 1836) и «Проклятое место» (М., 1838) (см. о них: Белинский, АН СССР, т. III, с. 72–73, и т. IV, с. 323).

22

Имеется в виду лубочное издание: «Танька, разбойница ростокинская, или Царские терема. Историческая повесть XVIII столетия. Соч. Сергея ...кого», в 3-х частях, М., 1834.

23

Петербургский писака – Л. В. Брант, автор книжек «Аристократка. Быль недавних времен» (СПб., 1842) и «Жизнь, как она есть» (в 3-х частях, СПб., 1843). См. рецензию на «Жизнь, как она есть» и примеч. к ней в наст. т.

24

Имеются в виду лубочные издания: «Разтулье купеческих сынков в Марьиной роще» анонима (М., 1836) и «Козел-бунтовщик, или Машина свадьба» Н. Базилевича (М., 1841).

25

«Не-повесть» И. И. Панаева «Тля» («Отечественные записки», 1843, т. XXVI, № 2) и его же физиологический очерк «Петербургский фельетонист», опубликованный в той же ч. 2 «физиологии Петербурга», что и эта статья Белинского, содержали остротатирическое изображение петербургских журналистов-дельцов.

26

Издание 3-й части «физиологии Петербурга» не состоялось; судьба названного здесь очерка неизвестна.

27

В 1834 г. стал выходить журнал «Библиотека для чтения», с 1836 г. – «Современник», с 1839 г. – «Отечественные записки». В 1834 г. был закрыт «Московский телеграф»; в 1836 г. – «Телескоп», в 1839 г. прекратил существование «Московский наблюдатель».

28

Особой неаккуратностью выхода отличался «Московский наблюдатель».

29

«Телескоп» не «медленно исчах», а был закрыт в 1830 г. за помещение первого из «Философических писем» П. Я. Чаадаева.

30

Об этом с негодованием писал С. П. Шевырев в статье «Словесность и торговля» («Московский наблюдатель», 1835, ч. I, кн. 1). Позицию Шевырева подверг критике Белинский в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (см. эту статью и примеч. к ней в т. 1 наст. изд.). См. также об этом в статье «Сто русских литераторов... Том третий» в наст. т., с. 402–404.

31

Ср. в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) в последней реплике книгопродавца:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

32 Ср. об этом также в статье «Петербург и Москва» (наст. т., с. 144); о значении железных дорог для прогресса вообще – в статье о «Руководстве к познанию новой истории» Смарагдова (наст. т., с. 94). Об особом интересе Белинского к строящейся тогда железной дороге между Петербургом и Москвой вспоминал в «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский (см.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников». М., 1977, с. 522–523).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!